

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Гушинец

Палата номер пять

сборник медицинских юмористических рассказов

Павел Владимирович Гушинец

Палата номер пять

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56554169

SelfPub; 2020

Аннотация

Пятая книга из серии сборников юмористических рассказов автора, известного в Интернете как DoktorLobanov. Снова циничный врачебный юмор, интересные пациенты, казусы военной и гражданской медицины. Можно посмеяться, но иногда стоит и задуматься. Содержит нецензурную брань.

Содержание

720 дней в сапогах (ну как в сапогах, в туфлях, конечно)	4
Биологическое оружие или геноцид насекомых	4
Вишенки	10
Звёздная история	12
И Ленин такой молодой	17
История несостоявшегося супергероя	21
Мне бы в небо или как я хотел в ЦАМ	26
Кто будет сторожить сторожей?	35
Мнимый больной	42
О полезности огурцов с грядки	47
Особенность армейской стерильности	53
Передумал	58
Ужасы нашего городка	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

720 дней в сапогах (ну как в сапогах, в туфлях, конечно)

Биологическое оружие или геноцид насекомых

Как вы помните, в конце 2000-х служил я в санитарно-эпидемиологической лаборатории в одной из частей си-неокой. Сижу как-то вечером, перебираю бумажки, готовлюсь к низкому старту на электричку, чтоб наконец-то домой ехать. А тут звонит на столе «военный телефон».

– Привет.

«Привет» по военному телефону – это либо Сашка, начальник пятого медпункта, тогда всё в порядке, может, позовёт чай пить. Либо Виталик, хирург со второго этажа, что уже слегка подозрительно. Либо Серёга, дерматолог из медроты, тогда точно трындец. Этот просто так звонить не будет. А голос не узнать: трубкой «военного» телефона в случае чего можно отбиться от полуроты китайцев, а вот с основными функциями у неё плохо.

– Ты кто? – в лоб спрашиваю я.

– Сергей.

Ну бли-и-ин. До электрички полчаса.

– Вы ошиблись номером, – говорю. – Пи-ик, пи-ик, пи-ик.

– Тут проблема, – игнорируя моё пиканье, бормочет дерматолог.

– Абонент временно недоступен.

– Какой абонент? Я тебе по внутренней связи звоню.

Нет, никак не отмазаться.

– Ну что у тебя?

– Зайди в кабинет. Тут какие-то подозрительные солдаты пришли.

– Опять с гонореей? – ужаснулся я. – Тогда смотреть не буду. Марину Фёдоровну позови. Ей приятнее будет.

Пару месяцев назад солдаты из второй казармы сходили в самоволку через забор части, где их поджидал приятель, подцепивший вдоль дороги каких-то весёлых девиц. Защитники Родины весело провели время, зато мы с Серёгой потом написали кучу объяснительных бумажек, откуда у нас в части гонорея.

– Ты приходи, – потерял терпение дерматолог. – И давай быстрее, до электрички полчаса.

Как будто я не знаю.

Рысью мчусь в отделение. Сидят два красавца: ефрейтор и сержант. Обувь снята, штанины закатаны до колен. Рядом с ними на корточках целый консилиум и офицерское собрание в одном лице. Виталик – хирург, Серёга – дерматолог, ещё и начмеда до кучи позвали, целого майора Грекова.

Солдаты млеют. Такого внимания к их ногам ещё никогда

не было.

– Товарищ майор! – я тяну руку к пустой голове.

– Садись рядом, – машет мне начмед. – Думать будем.

Сажусь. Смотрю на ноги солдат. Ноги покрыты красноватыми точками и бугорками, везде следы расчёсов, полоски подсохшей крови.

– Пчёлы что ли покусали? Или муравьи?

– Ты смотри, – удивляется начмед. – Сразу говорил: Папу надо звать. Сразу две версии. А вы тут тупите. Особенно Виталик: резать, резать.

Бойцы испуганно спрятали ноги под стул.

– А ну назад! – рявкнул начмед.

За лесом зашумела подходящая к станции электричка. Мы с Сергеем обменялись тоскливыми взглядами: домой сегодня попадём поздно.

– Бойцы, на полигоне были?

– Никак нет! – синхронно мотают головами защитники Родины.

– Пчёлы, осы кусали?

– Тоже нет.

Рассказывают, что проснулись позавчера в казарме, а ноги уже покусаны. Чешутся, сил нет. Терпели, пока стало уж совсем немоготу.

– Чесотка? – робко предполагает Сергей.

– На ногах? – поднимает брови начмед. – Ну ладно бы у одного – нетипичная форма. Клещи-извращенцы. Но у обо-

их. Нет, тут думать надо.

Надо думать, это мы сегодня вообще домой не попадём.

– Пошли в казарму, – командует начмед.

Пошли. Смотрим. Казарма как казарма. Гулкое огромное помещение с рядами аккуратно заправленных коек. Полоски на одеялах в одну линию, углы на подушках смотрят строго на запад: туда, куда в случае чего, наступать будем. Из своей комнатки выходит дежурный офицер.

– Александр Васильевич, здоровья желаю. Молодёжь, здорово. Какими судьбами такая комиссия? Ещё и эсэсовца с собой привели (это он про меня). По поводу солдат наших?

– А зачем же ещё, – вздыхает начмед. – Рассказывай.

– А нечего рассказывать. Всё как обычно. Прибыли они в часть с месяц назад. При поступлении у медиков замечаний не было. Что-то серьёзное?

– Пока не знаем. Где их койки?

Дежурный показал. Обычные койки. Четыре металлических ножки, между ними сетка. Матрас, простыня, одеяло. Начмед ковыряется в белье, мы смотрим на него.

– Ага, – майор делает быстрое движение, хватая кого-то пальцами. – Вот ты, сучёныш! Михалыч, со склада что-нибудь получали?

– Так только позавчера зампотыл приказал новые одеяла выдать.

– Поздравляю, господа офицеры. У нас – клопы! – как-то даже радостно сказал начмед.

И показал медкомиссии копошащуюся чёрную точку на пальце.

– Клоп постельный вонючий. Начсклада бить будем?

Бить не стали. Выдернули из дома, где он уже сменил форму на треники с вытянутыми коленками, открыл бутылку пива и залил горячие пельмени майонезом. А нечего! Мы что тут должны одни отдуваться? Полезли склад смотреть. Честно говоря, клопов больше не нашли, но откуда ж им ещё взяться.

На следующее утро казарму переселили. Закрыли окна, начмед достал из закровов запасы ядовитого советского дихлофоса и прапора щедро залили пол. Параллельно из гаража выкатили жуткую древнюю конструкцию: огромный котёл с печкой, на четырёх колёсах. Залили в котёл воды, растопили печку и принялись парить матрасы. По моему мнению, дихлофоса было бы достаточно: клоп – это, всё-таки, не чесотка, но начмед решил подстраховаться. На складе тоже творился клопный геноцид. Начсклада ходил бледный, командир вызывал его на ковёр.

Неделю после мероприятия я начинал своё утро, приходя в казарму и опрашивая солдат на предмет новых укусов. Мне радостно показывали расчёсанные пупырышки от комаров, распухшие натёртые лодыжки с мозолями, грибок на ногтях. Но клопов, к счастью, больше не показали. Ноги перестали сниться ещё через неделю.

Начсклада – гад: я из-за него с женой поругался и два дня

на диване спал.

Вишенки

Рассказывал мой коллега, начальник медицинского пункта, в одной печально известной воинской части.

– Ты же знаешь, часть наша в лесу. Если с города на электричке ехать, то потом надо ещё с полкилометра среди ёлок брести. Зимой тяжело: снега много, поутру, бывает, проедешься в замороженном вагоне, выйдешь на тёмной пустой станции, вокруг которой метель метёт и выюга воет, и пошёл по свежему снегу тропку торить. Как тот волк: «Какие сильные у меня лапищи!». Зато мигом согреешься. Никакой физподготовки не надо. Пока в часть придёшь – от тебя пар валит.

А летом хорошо. Утром уже светло, тепло, птички поют. Издалека слышна песня выгоняемых из казармы солдат. Идёшь, лесным воздухом дышишь. Единение с природой, чтоб её БТРом поломало.

Этим летом вот так поутру вышел я из электрички и по пружинящей прошлогодней иглице к забору части пошёл. Помнишь, лет десять назад пятый КПП закрыли, так все медики из медроты через забор лазили? И до сих пор лезят. Надо преодолевать поставленные командованием трудности.

Иду короче. А недалеко от станции огромный пенёк. Вокруг пня уютно расположились трое мужичков предпенсионного возраста. На пне – литровая бутылка мутноватого са-

могона, пластиковые стаканчики. Лица одухотворённые, в предвкушении познания истины. И, самое главное, кто-то из дома притащил тарелку, а на тарелке – горкой, вишенки. Обычные вишни. Видно, проходя мимо какого-то частного подворья, сорвали горсть и сунули в карман. Чтоб всё культурно. Не банальная пьянка, а отдых.

Налили по стакану. Вдохнули. Торжественно выпили.

Один из мужичков тянется в тарелочке. Второй так строго по пальцам его – хрясь!

– Не торопись! Не превращай закуску в еду. Жидкости ещё много. Успеешь. Наливай по второй.

Я бы постоял ещё, посмотрел, уж больно интересно. Но в кармане задребезжал мобильник и зычным голосом командира начал орать:

– Доктор, мать-перемать, ты где? Построение через пять минут.

Побежал рысью! Не до зрелищ тут.

А вечером иду обратно на электричку. Возле пенька валяется пустая бутылка, смятые стаканчики. Кто-то не удержал истину в себе и его стошнило. А на верху этого натюрморта – тарелочка. А на тарелочке – нетронутые вишенки.

Звёздная история

Мой друг, майор медицинской службы, Александр Иванович, был когда-то лейтенантом Сашкой, с которым мы вместе прибыли на наше первое место службы. В медуниверситете почти не пересекались: специальности и факультеты были разные, а тут нашли общий язык, подружились. Ну как подружились. По специальности Саша был хирург. И очень мучился от того, что в армии у него мало практики. Потому смотрел на каждого встречного, как на потенциальную жертву своих вивисекторских экспериментов. Как можно дружить с человеком, который смотрит на родинку на твоём лице и вдруг плотоядно предлагает:

– А давай-ка мы тебе эту родинкуотрежем? Быстро и не больно.

И за скальпелем тянется.

А вы сидите у него в кабинете тёмным вечером и молотый кофеёк в кружке кипятком заливаете. Без сахара, потому что сахар уже неделю как кто-то из кабинета стырил, и банка стеклянная сразу рядом стоит, чтобы кофейные крошки туда сплёвывать. И на двоих у вас полбатона зачерствевшего. И во всём отделении кроме вас двоих никого нет. И криков ваших никто не услышит.

К счастью, договорился он с ближайшим госпиталем и вскоре стали допускать его, маньяка, на операции. Отстал он

от моей родинки.

Встретились тут недавно, посидели, вспомнили. Книжку ему подарил. Саша посидел, поржали, пару своих историй подкинул.

«Года три назад в моей части один прапорщик получил долгожданного старшего прапорщика, и, как водится, сел это дело отмечать с товарищами по службе. Накрыли стол, сала порезали, хлеба, лука репчатого, все красиво, почти как в ресторане. Налили по стакану. И в первый стакан бросил новоиспеченный старший прапорщик свои новенькие звёзды. Традиция, ведь. Надо водку со звёздами выпить. И только тогда ты официально в новом звании считаешься.

– Ну, будем! – сказал прапорщик. И в желудочно-кишечный тракт стакан опрокинул.

Да вот как-то неудачно опрокинул, что все его новые звёзды прямо ему в глотку и полетели. Побледнел прапорщик, закашлялся, и... глотнул.

– Сергеич, ты чего? – испуганно спрашивают сослуживцы.

– Я это... звёздочки проглотил, – шепчет прапор.

– Совсем проглотил?

– Ага, где-то уже внутри колются.

Прапора в панику. Хватают товарища под белы ручки и в медроту волокут. А в медроте как раз Александр Иванович дежурит. Скальпелем карандаши точит.

– Доктор, спасайте! – с порога кричат прапора. – Сергеич звёздочки проглотил.

Дело серьёзное. Вызвал Александр Иванович рентгенолога, стали они смотреть. Повезло дураку. Дуракам, вообще, нередко везёт. Звёздочки, несмотря на все свои острые углы, по пищеводу прокатились, по дороге нигде не застряли и в желудок легли.

– Что же мне делать? – испуганно спрашивает прапор.

– Резать, к чертовой матери, – в соответствии с классикой отвечает Александр Иванович.

– А можно как-нибудь не резать?

– Можно. Но тогда одна из звёздочек проткнёт тебе стенку желудка или кишки, содержимое со всякими ферментами и соляной кислотой хлынет в брюшную полость, а там и до перитонита недалеко. Оно тебе надо?

– Не надо, – погрустнел Сергеич.

– Тогда ложись сейчас в палату, ничего не ешь, будем тебя к операции готовить.

Опытные коллеги мне сейчас возразят, мол, зачем резать? Есть же эндоскопический аппарат. Можно и так достать. Эндоскопический аппарат? В лесу? В медроте? С подготовленным врачом-эндоскопистом? Не смешите мои сапоги. А отвезти самого прапорщика в столицу военные как-то не догадались.

И начал Александр Иванович в своем отделении колдовать. Готовят операционную, стерилизуют инструмент.

А тут, как назло, кто-то из коллег начальству стукнул. Звонят доктору из столицы.

- Это у вас там прапорщик звёзды проглотил?
- Так точно, у нас, – отвечает Александр Иванович.
- Ваши действия? – вкрадчиво спрашивает начальство.
- Оперировать буду, – пожимает плечами хирург. – Дабы предотвратить перитонит.

И тут начальство орать начинает. Начальство армейское – оно такое. Сначала орёт: мол, у хирурга и квалификации для столь сложной операции недостаточно, и кто ему дал право самоуправством заниматься.

Короче, закрывайте операционную обратно. Сейчас выезжает к вам в часть самый главный хирург. Он и будет оперировать. А вы, товарищ майор, в лучшем случае рядом постоите.

Расстроился Саша. Но нечего делать. Начальство приказало.

Ждут главного хирурга. А он, как назло, где-то задерживается. То ли операция у него в другом конце страны, то ли лень ехать. День прошёл, второй. Прапорщика наблюдают, дабы чего не вышло. Есть не дают, потому что в любой момент Самый Главный Хирург может приехать.

И вот, наконец, звонок. Едет!

Снова открывают операционную, стерилизуют инструмент и бельё. И тут в кабинет Александра Ивановича кто-то робко стучится.

– Кого ещё черти принесли? – рычит доктор, открывая дверь.

А на пороге – прапорщик. Бледный, похудевший, замученный. И в кулаке что-то сжимает.

– Прапор, ты почему встал?! Тебе надо к операции готовиться. Главный уже выехал.

– Не надо операции, – вздохнул прапорщик.

– Почему? – удивился хирург.

И тут прапорщик кулак разжал и протянул ему ладонь, на которой лежали облезлые, потерявшие цвет звёздочки.

– Сами вышли. Сегодня утром.

– И как? – сочувственно спросил врач.

– Больно, блин.

– Ну и замечательно. Ты полежи пока. Надо посмотреть: мало ли кровотечение будет из кишечника. И это...руки помой.

Слышали бы вы, как ругался Главный.

И Ленин такой молодой

Лет десять назад я ещё носил офицерские погоны и ездил с проверками по различным воинским частям своего региона. Проверки проходили довольно буднично. Столовая – медпункт – казармы – всевозможные классы для обучения личного состава. Гигиена питания – коммунальная гигиена – гигиена детей и подростков. Если имелись склады или техника – гигиена труда. Короче, универсальный солдат. Одним своим лицом заменял целую санстанцию. Ещё и сумку с пробирками для микробиологических смывов таскал.

Собираюсь как-то на очередную проверку в отдалённую часть, а тут на столе звонит «секретный телефон».

– Старший лейтенант Гушинец! – привычно вытягиваюсь я.

Потому что по такому телефону мне обычно только один человек звонит.

– Гушинец, б...! – командиру телефон в принципе не нужен. С его голосом надо только форточку открыть и он до меня из столицы докричится. – Что у тебя за бардак на территории творится?!

Лихорадочно перебираю в голове весь бардак, который творится на моей территории. Обычный армейский бардак. Крыши у казарм текут с конца восьмидесятых, личный состав хилый пошёл, болеет, зарплата у медиков маленькая.

– Ты в Н-ской части давно был?! – подсказывает командир.

– Собираюсь, – я всегда был уверен, что наш полковник обладал телепатическими способностями. Ну вот как он за 80 километров узнал, куда я чемодан с пробирками пакую?

– Собирается он! А ты знаешь, что у тебя там вспышка?!

В Н-ской части двадцать бойцов. На этих двадцать бойцов – тридцать офицеров. Тихая и мирная часть, склад боеприпасов и топлива. Какая вспышка?!

– Только штаны просиживать умеете! – ревёт командир. – Сиди, жди. Я тебе сейчас в подмогу толкового офицера пришлю! А то ты совсем в своём лесу распустился!

И трубкой – бамс!

Поговорили. Люблю я с командиром разговаривать. Очень бодрит с утра.

И тут снова звонок. Медсестра Н-ской части.

– Павел Владимирович, у нас тут трое бойцов с какой-то кишечной инфекцией. Надо бы их проверить.

И тут меня озарило.

– Наталья, – говорю, – а вы мне первому доложили?

– Никак нет. Я сначала в столицу позвонила. А уж потом вам.

– Наталья, – вздыхаю я, – очень вас попрошу. В следующий раз мне первому звоните. Я всё-таки отвечаю за эпидсостояние региона.

– Ой! – не по-военному ужасается медсестра. – Вы уже

получили?

– Не то слово.

Сижу. Жду подмогу. Приезжает целый майор Владимир Ильич. Кстати, действительно толковый эпидемиолог, опытный специалист. Выцыганиваем у медроты буханку, едем.

В части легкая паника. Троица пострадавших активно лежит в единственной палате крошечного медпункта, кайфует, вкушая плоды редкого армейского отдыха. Бедолаги. Ставим всех троих в интересные позиции. На анализ – кровь, кал, промывные воды. Рвотные массы. Как нет рвотных масс? Вы же в армии! Чтоб сейчас же были. Сею всё это добро в чашки и пробирки. Майор опрашивает пациентов.

Картина в принципе ясная. Под пытками признались, что накануне вечером сбежали в самоволку на местную автостанцию, где от души вкусили радостей жизни в виде чебуреков и пирожков с мясом. Такой удар по пищеварительной системе и подготовленный человек не вынесет. А желудок у солдата избалован рациональным армейским пайком. Вот всех троих и подкосило.

Эпидемия зарублена на корню. Пишем отчёты и идём к командиру части отчитываться. В кабинете командира уже полное собрание: сам командир, начмед, зав. столовой. Атмосфера неформальная. Представляются.

– Юрий Владимирович, – командир.

– Никита Сергеевич, – начмед.

– Владимир Ильич, – проверяющий.

И тут повисает пауза. Командиры люди в возрасте, имена-отчества быстро выстроили в логическую цепочку.

– Непорядок, – говорит командир. – Ну ладно Леонида Ильича пропустили, но уж Иосифа Виссарионовича – это мы зря.

– Константина Устиновича ещё, – подсказывает зав. столовой.

– И этого тоже можно. Товарищи офицеры, внеочередной съезд ЦК КПСС позвольте считать открытым.

И начали они заседать. Как это у военных принято. С то-стами и анекдотами, которые женщинам лучше не слышать. Втихомолку подбираюсь к зав. столовой и шепчу на ухо:

– Я признаю, что лишний на этом празднике генсеков, но позвольте поинтересоваться, товарищ старший прапорщик, вас-то как по имени-отчеству? Запомнил я, давно у вас был, уж простите.

Тот начинает хихикать.

– Не поверите, но Михаил Сергеевич!

История несостоявшегося супергероя

Для старшего поколения, а особенно для всяких бабушек, человек в форме – образец высоких моральных принципов и тайный супермен. Он обязан эту самую бабушку через дорогу перевести, без лишних слов бросится в горящее здание и спасти группу детского сада, грудастую воспитательницу и кухонного кота в придачу. В этом вопросе я не могу не согласиться с бабушками (неожиданно, да?). В начале далёких восьмидесятых мать внушала мне:

– Если потеряешься, подходи к дяде в погонах, он поможет.

С сопливого советского детства прошло почти тридцать лет, а кредит доверия к людям в погонах я не растерял. Сам стал таким человеком в погонах, военным медиком. И готовился соответствовать. Врываться в горящие здания, спасать грудастых воспитательниц и переводить бабушек через дорогу. Пока не услышал одну историю.

Как вы помните, карьера моя начиналась в электричке. Ранним сумеречным утром в ледяные вагоны набивались десятки молодых офицеров, которым не повезло найти жильё в военном городке. И следующие два часа мы ехали на службу. Кто-то спал, кто-то общался вполголоса. На неудобной скамейке, обитой протёртым до дыр дерматином, я и познакомился с капитаном медицинской службы Виталиком.

Виталик был типичный военный хирург. Китель трещит на широченных плечах, фуражка застыла на макушке, как прибитая, в глазах – мудрость и знание людской натуры. Он-то знает, что все эти личности и характеры – всего лишь набор вяло функционирующих органов.

Едем с ним, как всегда, с утра. Холодно так, что зубы стучат. Спрятали руки в карманы, то дремлем, то переговариваемся вполголоса о чём-то своём, военно-медицинском. Слышу: в другом конце вагона какая-то возня. Поднимаю голову: так и есть. Едут у самых дверей двое работяг, страдающих после вчерашнего. Ведут дискуссию. И видно дискуссия куда-то не туда пошла, потому что один из работяг уже держит второго за воротник, а тот второй пытается попасть кулаком в лицо оппонента. Оба красные, злые, сопят.

Я начал подниматься. Я ж военный, я должен прекратить безобразие. Тем более, что женщины, сидящие неподалёку от дискутирующих, начали оглядываться в поисках «настоящих мужиков». Один бы струсил полезть против двоих. Но Виталик-то рядом. Он одним своим видом порядок наведёт.

– Ты куда? – лениво приоткрывает глаза хирург.

– Там два алкаша драться начинают, надо их успокоить.

И при этих словах красный супергеройский плащ развернулся на моих плечах.

– Сиди, придурок, – внезапно резко сказал Виталик. – Без тебя разберутся.

И я сел, ошарашенный.

– Чего ты? Мы ж военные. Мы должны...

– Те, кто должны в такие дела лезть, другие погоны носят.

А ты не лезь туда, куда не следует.

Мужики в конце вагона тем временем стукнули друг друга ещё по разу и принялись мириться. Что-то забулькало.

– Вот видишь, – удовлетворённо сказал Виталик. – А если бы ты влез, скандал был бы до самого городка.

– Нельзя так, – недовольно сказал я. – Мы же военные.

– Вот именно! – повысил голос хирург. – Я курса до четвёртого тоже такой был. Думал: мы ж военные, мы должны. А как-то зимой ехали мы курсом в этот самый военный городок. Какое-то мероприятие у нас было, не помню уже. Полсотни будущих военврачей. Распылились по всей электричке, едем, болтаем. Я в один вагон попал со Стёпой. Помнишь Стёпу, был такой парень на нашем курсе? На полголовы выше меня.

– Что-то смутно припоминаю. Он ещё пропал потом куда-то.

– Пропал, – зло процедил сквозь зубы Виталик. – Тогда и пропал. Ехали мы, болтали. Полчаса уже до городка оставалось. Как вдруг в нашем вагоне вот такая возня начинается. Двое алкашей что-то не поделили. Мутузят друг друга, по проходу катаются. Женщины – в крик: «Военные! Военные!». Стёпа – герой, б... Поднялся. Взял обоих за шиворот, поднял. Те объединились против общего врага и давай его лупить. Тут уж и я подключился. Разнял всех. Прибежа-

ли менты, давай какие-то протоколы составлять, по рациям своим переговариваться. Нам в городке сходить, а нас никто не отпускает. Мол, вы и свидетели, и участники драки. Часа два держали.

Через неделю вызывают нас к начальнику факультета. И сообщают Стёпе, что он, без пяти минут лейтенант медицинской службы, отчислен с курса за действия, порочащие образ белорусского офицера. Как зачинщик драки и всё такое. А мне, как рядом стоявшему, объявлен строгий выговор и если я до конца учёбы хоть кашляну не в той тональности, то полечу вслед за Стёпой.

Мы молодые были, глупые, ещё возмущаться начали. Не помогло. На следующий день полковник наш собрал в актовом зале весь факультет, зачитал приказ о Стёпином отчислении, с полчаса клеймил его разными словами. И всем сказал:

– Если вы, б... видите где-то драку или ещё какое-то непотребство, то должны со скоростью света удалиться от этого места или, если некуда деваться, притвориться ветошью. Потому что курсант нашего факультета не должен запятнать себя...

Ну и так далее, и так прочее.

А когда мы в часть попали, то командир части собрал молодое пополнение в Доме Офицеров и речь начальника факультета слово в слово повторил. Мол, если кто из вас будет замечен в непотребствах, даже если он будет выступать на

стороне добра и света, пусть прощается с военной карьерой.

Поэтому сиди, Паша, в окно смотри. Они там сами разберутся.

– А Стёпа? – спрашиваю.

– Что Стёпа? А-а, да попал сразу в сапоги, под призыв. Отстрелялся и перепоступил. На лечебный факультет. Сказал, что ему эти военные игрища надоели. Вроде, в этом году заканчивает.

Мне бы в небо или как я хотел в ЦАМ

Через полтора года службы мне изрядно надоело жить на чужих квартирах и каждый день кататься по четыре часа на ледяной электричке. Место службы находилось за восемьюдесятью километрами от места проживания. Каждое утро я поднимался в пять утра, в бешеном ритме собирался, на ходу за-талкивая в свой организм какие-то бутерброды, клевал спящую жену в макушку и бежал на первый автобус.

Понурые водители с красными от недосыпания глазами уже кивали мне, как знакомому. В салон, кроме меня подтягивались ещё четверо-пятеро таких же бедолаг. И мы долго ехали к станции по пустым тёмным улицам спящего города. Потом электричка и ещё час сорок в её ледяных внутренностях. Я приноровился урывать час сна на жёстком неудобном сидении, но сон получался какой-то поверхностный, от того, что я боялся проехать мимо незаметной остановки в лесу. От остановки ещё одно усилие – километра два через заснеженный танковый полигон, и я уже лезу через забор части, самому себе напоминая американского шпиона.

Вечером обратная последовательность. И вот подлость-то. Электрички отходили в 18.10 и 19.10. А рабочий день у меня заканчивался в 18.00. То есть ровно в шесть я должен был поднять чёрную трубку «военного» телефона, набрать дежурного в столице и отпрапортовать:

– Старший лейтенант Гушинец! Докладываю, всё без происшествий.

После этого стремительным барсом мне полагалось бросить трубку, запереть лабораторию, промчаться по полигону, проваливаясь по колено в снегу, миновать лес и выскочить на станцию. Зачастую после этого олимпийского броска я видел только хвост уходящей электрички, которая ехидно подмигивала мне жёлтыми окнами. До следующей был целый час, который я проводил в продуваемой всеми ветрами бетонной коробке.

И обратная дорога. Электричка, автобус, в 22.00 я дома. Спать!

Звонить по мобильному телефону на военный не получалось. А ещё нередко, дежурный в момент моего звонка отвечал такому же бедолаге из другой лаборатории. Ну или просто тормозил. Короче, опаздывал я на шестичасовую электричку с завидным постоянством.

Наступила весна, полигон растаял, и бегать по нему в картонных армейских туфлях, по колено в грязи уже было совсем не весело. А по асфальтовой дорожке через лес – лишние полкилометра. Шестичасовая электричка окончательно помахала мне хвостом.

И в один прекрасный день терпение моё лопнуло. Я решил снова взять свою судьбу в руки и что-то изменить. Тем более, что контракт мой неумолимо двигался к своему логическому завершению и впереди уже маячила свобода или

новые пять лет беготни по лесу и сомнительный приз в виде «звезданутых» капитанских погон.

К делу я подошёл энергично. Взял карту города и переписал в блокнот все воинские части в его пределах. Этим я стал ещё больше напоминать американского шпиона. Потом я полез в вездесущий интернет и принялся выяснять, в какой из этих частей есть лаборатория, где я мог бы работать по своему профилю.

И вот чудо! Буквально в четырёх остановках от моего дома находился Центр Авиационной медицины (ЦАМ). А на базе его существовала сан. – эпид. лаборатория.

В эту ночь мне приснился сказочный сон. Я, в голубых, как небо, авиационных погонах лезу в кабину стремительного истребителя и беру там бактериологические смывы на кишечную палочку. Сквозь прозрачный фонарь кабины светит солнце, жизнь прекрасна. Просыпаться определённо не хотелось. Но ровно в пять утра задребезжал проклятый будильник и снова автобус – сонные водители – электричка – раскисший полигон.

К новому месту службы стоило подобраться по всем правилам военной науки. Для начала я обзвонил всех своих знакомых военврачей на предмет связей в ЦАМе.

– Нет ничего проще! – подбодрил меня капитан Кротов, а в миру – мой приятель Сашка. – Андрея помнишь? Ну высокий такой, фуражка у него ещё с крыльями. Мы, когда на учёбу приезжали, он от тебя через ряд сидел.

– Помню, – подтвердил я.

– Так вот он как раз в этом самом ЦАМе и служит. Телефон сейчас скину.

Звоню Андрею.

– Привет. Ты меня не помнишь, это Паша из СЭЛ. Мы на учёбе вместе были.

– Отчего же не помню, – хмыкает голос в трубке. – Отлично помню. Я твой эс – эсовский шеврон сразу заприметил.

– Дело есть.

– Понятно, что есть. Не пиво же ты меня позовёшь пить. Что случилось?

– Мне Кротов тут нашептал, что ты в ЦАМе служишь. А у вас там лаборатория есть. Не в курсе, может там вакансия образовалась?

– А ты как чувствуешь, – подозрительно сказал голос. – Начальник лаборатории, майор Иванов, уже полгода себе в помощники врача-микробиолога ищет. Да всё никак найти не может. Вашего брата в стране и так немного, а тех, кто согласиться на контракт в армию пойти – и вовсе не наблюдается. Приезжай, поговори с командиром.

– Андрюха, – обрадовался я. – С меня коньяк!

Сон о солнечной кабине истребителя медленно становился явью.

– Только, – Андрей помедлил. – Ты приходи, пожалуйста, трезвый.

– Трезвый? – удивился я. – Кажется, раньше за мной не

замечалось...

– И накануне ничего не употребляй.

– Да к чему ты это спрашиваешь?

– Да просился к нам один хороший хирург. Учились мы вместе, я его знал, как отличного специалиста. Поэтому подошёл к главной, договорился. Расписал его. Парень приехал. А за час до собеседования перенервничал, видимо и решил хряпнуть для храбрости. Хорошо так хряпнул. Двух слов связать не мог. Главная его минут двадцать терпела, потом всё-таки выставила. Вызывала потом на ковёр: «Что ж, говорит, вы мне, Андрей Владимирович, за специалистов предлагаете?» Стыдно было очень.

– Да я не в жисть! И... какая главная?

– Так начальник ЦАМа, она же главный врач. Марина Сергеевна, полковник медицинской службы.

У меня сломался шаблон. Я представлял себе начальника госпиталя таким седеющим крикливым полковником, потому что другого армейского начальства в своей практике не встречал. А тут Марина Сергеевна. И стыдно ему было. Когда меня командир вызывал на ковёр, было больно.

Созвонился, договорился на определённый день. Встал по звонку будильника в потрясающие шесть утра (проснулся в полшестого и таращил глаза в потолок, пока будильник не зазвонил – нервы шалили от волнения). Побрился так, что бритва запросила о пощаде. Трезв был с такой силой, что если бы сейчас дунул в какой-нибудь алкотестер, то прибор

показал бы отрицательные результаты.

За моими метаниями из-под одеяла наблюдала сонная жена.

– Куда это ты собрался?

– На собеседование, – дрогнувшим голосом ответил я. – Рассказывал же вчера.

– Ну-ну, – подозрительно прищурилась жена. – А мне кажется, что на свидание.

– На свидание! – пафосно ответил я. – На свидание с судьбой.

Жена кинула в меня подушкой. Пришлось с погон перья собирать.

Несколько остановок на автобусе, всего одна пересадка – и я у ворот ЦАМа. Ноги немного дрожат, под фуражкой – испарина. Ещё утюг, гад, с утра подвёл. Вывел на правой брючине двойную стрелку. Вот вечно этот утюг меня подводит, в самый ответственный момент! У кого кривые руки? Нет, это точно утюг! На левой же всё отлично, стрелкой бриться можно. А на правой, на самом видном месте у колена едва заметная вторая полоса. Это корейцы специальные утюги выпускают, чтоб подорвать мощь и красоту белорусской армии.

У двери тёмного дерева с золотистой табличкой «полковник Петрова М. С.», я чуть не потерял сознание. Стучу.

– Войдите.

Голос, кажется, добрый. В тумане шагаю вперёд. За сто-

лом сидит миловидная женщина в белом халате полностью скрывающем полковничьи погоны.

– Товарищ полковник, старший лейтенант...

– Вы Павел? – перебивает меня начальница.

– Да, – смутился я. – Вам Андрей про меня рассказывал.

– Да, – кивает головой чудесный полковник. – Рекомендовал вас, как хорошего специалиста. Присаживайтесь. Кофе? Чай?

И вот чудеса, уже три минуты разговора, а ни одного матерного слова. Я прямо не в своей тарелке себя чувствую.

– Ну, рассказывайте.

Я со страху выложил всю биографию. О том, как в яслях описался на сонном часе, не рассказал только потому, что полковник начала тревожно поглядывать на часы.

– Что ж, – серьёзно кивает мне она. – Образование – профильное. Живёте недалеко. Опыт есть. В чём подвох? Что вам не сидится в вашей части?

И тут я вывалил и про пять утра, и про ледяную электричку, и про то, что жену вижу только спящей. Смотрю, у полковника в глазах СОЧУВСТВИЕ! Сейчас по голове погладит «бедный мальчик». Убила. Наповал.

– Приходите, – вздыхает она. – Напишу на вас рапорт. Зайдите сейчас к майору, начальнику СЭЛ. Он будет вашим непосредственным командиром.

Я вылетел из кабинета, как на крыльях. И солнце ярко светило через фонарь кабины. Начальник СЭЛ меня добил

окончательно. Очень интеллигентный майор, который обращался ко мне на вы и всё не верил, что ему нашёлся помощник.

По дороге домой я купил бутылку шампанского. Мы, лётчики, пьём исключительно благородные напитки. Дешёвые, но благородные.

А через три дня меня вызвал мой командир.

– Лейтенант, б...! Что за х... происходит?!

– Не могу знать, товарищ полковник! – я вытянулся по струнке и подобострастно задрожал всем телом.

– Мне звонят из Министерства обороны, тут какая-то полковник в юбке на тебя рапорт пишет. Хочет тебя в ЦАМ забрать!

«Не обманула, не обманула!» – чуть не запрыгал я.

– Короче, лейтенант, скажу сразу! Ты забудь всю эту х... ю! Езжай в свой городок и служи, б... дальше! У нас красные в голубые не переходят!

И всё. Солнце перестало светить через фонарь кабины. Благородный напиток так и остался в холодильнике, превратившись в сладковатую слабоалкогольную газировку. Призрачные «крылышки» вяло спикировали с моей фуражки и упали в грязь под ногами прохожих. Телефон уже надрывался, где-то маялись животами полдесятка пехотинцев.

С горя я пошёл в «Детский Мир», купил себе пластмассовую модель самолётика, склеил её и выбросил, потому что модель делали те же корейцы, которые подсунули мне кри-

вой уют. В процессе нанюхался клея и мне полегчало.

До дембеля оставалось меньше шестидесяти дней.

Кто будет сторожить сторожей?

Участники этой истории без труда узнают себя в героях рассказа. Они, конечно, будут возмущаться, но пусть лучше посмотрят со стороны, как всё это выглядело. И пусть кое-кому будет стыдно. Хотя бы одну секунду.

Лет десять назад мой коллега Станислав капитан-медик и начальник санслужбы одной из региональных частей «попал на клык» своему непосредственному столичному начальнику – подполковнику Абрамову. Ни с того ни с сего тот объявил Славе подряд два выговора по какой-то надуманной причине, а три выговора в нашей армии – это уже серьёзно и грозит увольнением. Слава удивился. Абрамова он знал ещё по гражданской жизни, когда Слава был студентом первых курсов медуниверситета, а Абрамов там же заканчивал военмед. Они не раз пересекались и даже почти приятельствовали. Абрамов после окончания был направлен начмедпунктом в часть, потом переучился и попал в санслужбу. И вот когда он туда попал, а особенно когда получил майора – тут его как будто подменили. Стал груб в отношении бывших коллег, на проверках хамил, за каждую мелочь, которую можно было устранить за пять минут – драл нещадно.

Досталось и Славе. После второго выговора «ни за что» он осторожно позвонил в Минск бывшему однокурснику – а ныне майору в головной организации.

– Ваня, что происходит? Чего Абрамов на меня взъелся.

Ваня, как «пиджак» «пиджаку» ответил честно, но шепотом в трубку.

– Наверное, хочет кого-то из своих на твоё место поставить. Уже не раз командиру докладывал, что ты, мол, ненадёжный, своевольный, и вообще «пиджак». А часть ответственная, туда надо кого-то из военных.

Слава вздохнул и принялся морально готовиться к увольнению.

А тут сентябрь сменился октябрём, и в армии по приказу министра обороны наступила зима. То есть все военнослужащие облачились в зимнюю форму одежды. Да вот беда, часть, где служил Слава, располагалась южнее столицы и температура там была выше. Поэтому в самый разгар солнечного октябрьского дня солдаты на плацу парились в тяжёлых бушлатах, потели и мучились. Командир, попавший в часть из десантников, солдат пожалел и устно приказал форму одежды облегчить. Бойцы с радостью спрятали зимние шапки и помянули командира добрым словом.

Вот под всё это безобразие и прибыли из столицы проверяющие. Абрамов, получивший к тому времени подполковника и второй подполковник Сергей Владимирович, начальник эпидотдела.

Абрамов только за КПП – сразу на Славу орать:

– Что, б... у тебя в части творится?! Почему солдаты не по форме?!

Слава молчит, безоблачное небо разглядывает, вид делает лихой и придурковатый. Абрамов поорал, поорал, пошёл часть проверять. И всё ему не так, и всё не то. Стенгазета в казарме не того цвета, доски пола не в той тональности потрескивают, вороны не строевым шагом по плацу ходят.

– Короче! – орёт подполковник. – Надоело мне всё это! Третий выговор – и полетишь ты из вооружённых сил пробкой! Нам тут такие не нужны!

Слава эту фразу уже где-то слышал.

Проверяющий поорал – устал. Проголодался. Офицеры части подполковника подхватили и повели в ближайший ресторан – выгуливать.

Остались Слава и второй подполковник вдвоём.

– Товарищ капитан, – вдруг говорит подполковник. – Мне очень стыдно.

– Что? – удивился Слава.

– Мне очень стыдно за моего коллегу и я приношу свои извинения. С моей точки зрения ваша часть вполне нормальная и никаких глобальных проблем я не выявил.

– Спасибо, товарищ...

– Сергей, в особо торжественных случаях – Сергей Владимирович, – перебил капитана подполковник. – Слушай, не в службу, а в дружбу. У тебя в городе есть одно памятное место. А я историю ВОВ очень люблю. Если тебе не сложно – покажи мне это место.

– Конечно! – обрадовался Слава. – Поехали.

Ходят они с подполковником по памяtnому месту, Слава историю любит, поэтому рассказывает интересно и с подробностями. Откуда немцы наступали, где кто оборонялся.

Тут звонок. Абрамов – пьяный уже вдребодан. Язык заплетается.

– Слышь, капитан, у меня капли в нос кончились! Подскочи в аптеку – привези мне.

Слава смотрит на подполковника. Тот пожимает плечами.

– Что тебе сказать? Вот я бы на твоём месте послал бы его подальше. Но я не на твоём месте. А карьеру тебе он испортит.

– Так и так испортит, – вздыхает Слава.

– Ещё не всё потеряно. Иди в аптеку, я сам тут похожу ещё.

И Слава поехал. Купил в аптеке какие-то отечественные капли. Заходит в ресторан. Подполковник в виде непотребном, раскрасневшийся, в расстёгнутом на пузе кителе учит жизни офицеров проверяемой части. Те кивают, примериваясь, в какую часть полковничьей головы лучше бить табуреткой.

– Принёс?! – увидев капитана заорал Абрамов.

Слава молча поставил перед подполковником коробочку с каплями.

– Ну что ты как неродной?! – поморщился Абрамов. – Мы ж с тобой в одном универе учились. И теперь одно дело делаем. Садись!

Сел.

– Выпей со мной, – Абрамов плеснул в рюмку водки.

Слава выпил.

– Я тебя научу работать, – не смущаясь присутствием офицеров, заговорил подполковник. – Ты вот их жалеешь, прощаешь. А их давить надо! Вот как!

И он поднёс к носу капитана кулак покрытый веснушками и рыжим волосом.

– Надо чтоб они тебя боялись – тогда уважение будет! Понял?!

– Понял, товарищ подполковник.

– Ну раз понял – вали отсюда, настроение портишь!

Слава ушёл.

Наутро Абрамов слегка похмелился и пошёл к командиру части акт проверки писать. С ним в кабинет и Слава с Сергеем Владимировичем зашли – потому что комиссия. Командир о вчерашних разговорах наслышан. Молчит, смотрит на проверяющего из-под бровей. Абрамов развалился в кресле, фуражку на стол кинул.

– Бардак у вас в части творится! – начинает заводиться проверяющий. После вчерашнего ему плоховато, а ещё и домой ехать. Поэтому настроение не очень. – На складе – непорядок, в столовой – грязно. И главное – почему солдаты не по форме одеты?!

– Не по форме?! – поднял брови командир. – А вы, товарищ подполковник в каком головном уборе в часть прибы-

ли?

– А какое это имеет значение? – насторожился Абрамов.

– А такое, что приехали вы на проверку в фуражке, а никак не в зимней шапке. А следовательно тоже нарушаете форму одежды, установленную министром с восемнадцатого числа.

– Да я?!

– Что я? – зло сказал командир.

– Да я на вас такую бумагу напишу, что вас с должности снимут.

– А вот мы сейчас на освидетельствование в ближайшую больницу съездим, – предложил командир. – А то что-то запах от вас, товарищ подполковник, какой-то подозрительный. Не явились ли вы на проверку в состоянии алкогольного опьянения?

– Э-э, – растерялся Абрамов.

– А за подобное поведение вашекомандование может и вас снять, не так ли, товарищ подполковник? Я слышал, что ваш командир крут нравом и не любит такие выходки подчинённых.

Абрамов вскочил.

– Я этого так не оставлю!

Схватил фуражку со стола – и к выходу.

– Куда?! – рывкает десантник, который как известно, бывшим не бывает. – Бойцы – задержать!

И перед Абрамовым в дверях вырисовываются два сер-

жанта с самыми недружелюбными лицами.

И тут понял подполковник, что он попал. Что командир в своей части царь и бог, а до столицы ещё добраться надо. И что поволокут его пузатое нетрезвое тельце сейчас к эскулапам, а там в крови столько промилле, что о дальнейшей карьере можно забыть.

Чуть ли не на колени рухнул Абрамов перед командиром. Весь гонор с него мигом слетел.

Слава с Сергеем Владимировичем стоят, краснеют.

– А теперь давайте акт проверки обсудим, товарищ подполковник, – цедит сквозь зубы командир.

Уезжал Абрамов из части пришибленный, молчаливый. Глаза от встречных солдат прятал.

А командир части вызвал Славу к себе.

– Если он тебя доставать будет – ты мне скажи. Мы мигом на этого товарища управу найдём. Мне таких медиков, как ты терять нельзя. Хоть и «пиджак», но свой человек. Иди, служи, капитан.

Слава до сих пор в той части служит. Майор уже. А вот Абрамова настигла-таки карма. Попался за рулём нетрезвый. А у нас в армии за такое быстро увольняли.

На кого сейчас орёт?

Мнимый больной

Мой бывший коллега, военный врач Александр Николаевич в годы исхода большей части нашего потока из армии (а это случилось сразу же после окончания первого обязательного контракта), в этой самой армии всё-таки остался. Теперь он важный подполковник с седыми висками. Встречные прапорщики и даже лейтенанты вытягиваются при виде его и переходят на строевой шаг, уж больно вид у Александра Николаевича грозный. Но я-то помню, как этот самый подполковник ночью лазил в нашу общагу по связанным простыням. А кто держал другой конец простыни, Александр Николаевич, когда ваш вес на третьем курсе перевалил за сотню? А под чьей кроватью, товарищ курсант вы прятались, когда вас всё-таки спалила гроза нелегалов вахтёрша тётя Надя? То-то же. Где мой коньяк?

Служит теперь Александр Николаевич на весьма важной должности в столичном военном госпитале. Прошёл специализацию по кардиологии и лечит исключительно трепетные сердца молодого пополнения и выдохшиеся моторы ветеранов. На жизнь не жалуется, только на зарплату.

И от него следующая история.

Наш военный госпиталь находится в самом центре столицы. С одной стороны, это хорошо – персоналу удобно добираться. С другой стороны – плохо. У пациентов слишком

много соблазнов. И вот поступает как-то в отделение к Александру один любопытный пациент, рядовой Н... Жалуется на проблемы с сердцем, я уж не вспомню конкретный диагноз, но признаки следующие:

- два раза солдат падал в обморок на утреннем построении.

- и ещё два раза на утренней зарядке.

- на первом же кроссе побледнел и свалился под ноги сослуживцев, чем вызвал панику у офицерского состава.

Отправили его в региональный госпиталь. Там солдат показал тахикардию, изменение ритма. При любой физической нагрузке сползал по стенке.

Местные военврачи, обругав на чём свет военкома, подсунившего им такой подарочек, начали углубленное обследование. Всяческие УЗИ, рентгены и МРТ с кардиограммами картину не прояснили. Каких-то патологических изменений в сердце пациента не выявлено. Гипертония, но это нынче у каждого второго призывника, чай не в спецназ призывали, в пехоту. А пациент активно жалуется на общую слабость, рук поднять не может, бегать не может. И очень хотел бы служить, да вот здоровье не позволяет.

Зашли региональные врачи в тупик. Надо комиссовать, а дело это непростое. Комиссуешь «косаря», начальство потом голову снимет. Пропустишь реального больного, загубишь парня, и опять же начальство голову снимет. И как обычно в армии решили переложить ответственность на других. От-

правили рядового Н. в столичный госпиталь. Пусть подполковник Александр Николаевич разбирается, а мы, мол, умываем руки.

Александр просмотрел пухлый том истории болезни, удивился серьёзному подходу коллег и назначил в свою очередь своё обследование.

Для начала спрашивает у солдата:

– Расскажи, воин, как проявляется твоя болезнь?

– Сил нет, – вздыхает боец. – Когда лежу или хожу тихонько – то ещё ничего. А уж если бегать, или не дай Бог полы в казарме мыть – то тут же слабею, в глазах темнеет, и падаю в обморок.

Слушает доктор пациента стетоскопом, бьётся в молодой груди ретивое сердце, бьётся ровно и без сбоев.

«Может сосудистое что-то? – предполагает доктор. – Или вообще неврология. Будем искать».

Устроил бойца в отделение, а сам в кабинет пошёл, думать и документы заполнять. В работе врача, что самое главное? Думаете пациента вылечить? Не тут-то было. В работе врача, а особенно заведующего отделением, главное все бумажки правильно заполнить.

Осенний день короток, бумажек у кардиолога много, жёна к частым задержкам мужа на работе привычная, не звонит уже с глупыми вопросами «Когда придёшь?». Завозился Александр Николаевич с бумажками (простите, с важными документами) до темноты. Сидит, пишет, устал. Решил пе-

редохнуть и покурить в туалете. Если солдаты там постоянно курят, неужели и подполковнику нельзя.

Стоит, дымит, забором госпиталя любитесь. И вдруг краем глаза замечает в окне какое-то шевеление. Второй этаж, однако. Сверху, как по волшебству, ползёт простыня, связанная узлами. А по этой простыне, словно волк из советского мультика спускается вновь поступивший боец Н. Да так ловко спускается, что и в пехоту его можно, и в спецназ сразу. Александр Николаевич пугать солдата не стал. Второй этаж, всё-таки, разожмёт от неожиданности руки – в травматологию переводить придётся. А куда солдат бежит – это доктору давно известно. За забором – город. А через дорогу – круглосуточный магазин, где нерадивая продавщица тётя Клава приберегла для солдатиков заветные бутылки. Надо же поступление отметить с товарищами по палате. Вот и побежал.

И как побежал! Рысью, от куста к кусту, пересёк огромный двор госпиталя. Одним махом запрыгнул на высоченный забор, только ноги в ночном небе мелькнули.

Подождал Александр Николаевич ещё немного. Видит – возвращается. В руках – пакетик, в пакетике что-то позванивает и булькает. И только Н. к простыне подошёл, и подниматься начал, как доктор голову из окна высунул и говорит: – Вы, товарищ солдат, как закончите с вечерним моционом, так загляните ко мне в кабинет. Надо ваше сердце после такой физической нагрузки проверить.

Боец с простыни таки сверзился. То ли воинское приветствие хотел подполковнику отдать, то ли честь. Но падал недалеко и на клумбу, обошлось без травматологии. С утра же прошёл он экстерном все проверки кардиологические, которые патологий у солдата не выявили. Пытался петь свою песню про то, как в обморок падает от малейшей физической нагрузки, но безжалостный подполковник напомнил ему, про то, как ловко и быстро боец спускался по простыне, бежал через двор и через забор прыгал. Легенда и разбилась.

Всем критикам сразу скажу, Александр Николаевич, доктор ответственный. И, несмотря на ночной поход солдата за водкой, к делу подошёл со всей серьёзностью. Реального больного в часть бы ни за что не отпустил. А на прощание посоветовал солдату Н. поступать после службы в театральный.

– С таким талантом самое место в комедиях Мольера. Мнимого больного играть.

О полезности огурцов с грядки

Давно я обещал эту историю в комментариях к какому-то рассказу. Завозился, забыл, другие проекты отвлекли. Но обещания надо выполнять.

Солдат – явление стихийное. Особенно когда он не один. И чем больше этих самых солдат, тем стихия разрушительнее. К примеру, трое бойцов, это так, дождичек, а вот два десятка – это уже тайфун и землетрясение в одном флаконе. Особенно для того, кто за них отвечает. И военным докторам тоже достаётся. Отправили солдат разгружать какие-нибудь ящики со снарядами – точно кто-нибудь себе на ногу ящик уронит. Послали их в лес, на стрельбище, так они найдут в лесу какую-нибудь несъедобную гадость и обязательно съедят. И ведь не от того, что у них паёк маленький, а так, со скуки. Стоишь ты на посту, ёлку охраняешь. Скучно же. А рядом кустик, и на кустике ягоды симпатичные, чёрные, значит спелые. Ну как тут удержаться городскому парню и не отправить пригоршню этих ягод в рот. А где пригоршня, там и две.

А потом начальник медпункта, промывая желудок очередному горожанину, на полном серьёзе предлагает замполиту провести в части курс ботаники. Чтоб всякие волчьи ягоды от черники отличали.

Но сейчас не про ягоды. В начале осени началась в части

привычная забава. Со всех концов страны приехали на наш полигон сотни молодых бойцов и устроили на этом полигоне игрища. На танках катились, в цели стреляли, друг другу морды били. Веселье.

Три дня перед учениями я не спал вообще. Прежде чем допустить всю эту толпу на полигон, мне нужно было проверить все источники водоснабжения, осмотреть территорию на предмет внезапно павших диких животных, ну и кучу других мелочей учесть, о которых даже рассказывать скучно. Хожу я по полигону (сорок квадратных километров, между прочим), проклиная тот день, когда решил стать военным эпидемиологом. А в лесу – благодать, птички поют, сосны шумят, прапорщики с сержантами матерятся. Солдаты из моей части толпами носятся, кто место под лагерь готовит, кто от командования прячется. Работа кипит.

Отгуляли мы праздник, отстрелялись. Вроде никого на этот раз танком не задавило, ни один грибник не пострадал (разве только морально). Я похудел килограммов на пять, берцы к ногам приросли, жена забыла, как я выгляжу, но это так, мелочи военной жизни. Прошло довольно много времени. Уже и листья все с деревьев облетели, клины отучившихся в учебке бойцов потянулись в свои части.

Прихожу утром в лабораторию – любимая картина. Перед дверями на ступеньках сидит боец, держится за живот и активно стонет.

– Диза? – спрашиваю.

– Ди-и-иза, доктор! – радостно соглашается солдат.

– Опять, небось, пирожков в чипке натрескался? Говорил я вам – не ходите туда, хозяйка просрочку с вокзала забирает и вам скармливает.

– Ы-ы-ы, – закатывает глаза солдат.

– Заходи, Смоктуновский, – я открываю дверь. – Посиди, вон на кушетке, сейчас лаборантка придёт, будем с тебя анализы брать.

В лабораторию прибывает личный состав в лице лаборантки – санитарки Людмилы Сергеевны, с ходу ставит солдата в неудобное положение и берёт анализы с разных интересных мест. Принимаем из трясущихся рук пациента баночку с образцами кала. После чего отправляем больного страдать в медроту, а сами погружаемся в исследовательский процесс. Точнее Людмила Сергеевна погружается, а я отчёт пишу. Отчёт, в нашем деле – самое главное.

– Павел Владимирович, – негромко говорит лаборантка. – А посмотрите-ка что это тут такое?

Отрываюсь от отчёта, подхожу к микроскопу. Смотрю – и вправду чудо чудное. Что-то овальное, вытянутое. И очень знакомое. Где-то я этого товарища много раз видел. Видел, да подзабыл. Явно не бактерия, для бактерии великоват. Полез в учебники и справочники – так и есть. Аскарида, родная, человеческая. Точнее её яйцо.

Звоню в медроту, терапевту.

– Так, мол, и так, обнаружены гельминты.

Терапевт очень обрадовался. Потому что солдат один не болеет. Из-за того, что живут они по сорок человек в одной казарме, кушают рядом и в туалет вместе ходят, различные интересные болезни у них бывают в массовом порядке. Уже вместе с терапевтом позвонили в часть, откуда солдат к нам явился, и через час перед моей лабораторией выстроилась шумная толпа бойцов.

Выхожу ругаться.

– Вы чего, говорю, народ сюда привели?

– Так на анализ, – пожимает плечами сержант. – Говорят, у Иванова глисты, надо всем провериться.

Никакой врачебной этики и сохранения тайны пациента.

– Неразумные, – говорю. – Вы мне тут зачем? Мне от вас и надо, что какашек по пятьдесят грамм с души.

– А-а! – соображает сержант.

Разворачивает всю толпу на сто восемьдесят градусов и гонит в казарму анализы добывать. Не знаю, какими методами он действовал, но к обеду принесли. В чём принесли – отдельный разговор. Такого набора посуды не видела даже районная КДЛ. Людмила Сергеевна посмотрела на меня с благодарностью, высказалась, что она вообще-то лаборант-микробиолог и за паразитологию не подписывалась, и мол вы, Павел Владимирович, свои чемоданы говна сами разгружайте.

– Людмила Сергеевна, – с пафосом Брюса Уиллиса говорю я. – Кто, если не мы?

И ухажу отчёт делать. Потому что отчёт – это главное.

Через час лаборантка выявила ещё двоих. Вызываем, начинаем расспрашивать. Да, иногда живот побаливает, но не обращали внимания, думали это от пирожков в чипке. А других проявлений не было. Собрал всю троицу в одной палате медроты, позвал терапевта и замполита для солидности.

– Колитесь, – говорю. – Что и где ели примерно в начале осени?

Лица солдат вытянулись. Вы помните, что ели несколько недель назад? Вот и они не помнят. Я и вопрос, так для протокола задал.

И тут один из бойцов смотрит на товарищей, светлеет и говорит мне.

– Товарищ страшный лейтенант, а нам за это ничего не будет?

– Не будет, – обещаю я. – Только колитесь, потому что мне надо эпидемию предотвратить.

– На полигоне мы ели.

– Все на полигоне ели. Конкретнее.

– Да там неподалёку хуторок был, – вздыхает солдат. – Мы идём, через забор смотрим – а там огурцы! И нет никого. Мы оградку-то перелезли, по огурцу всего взяли.

– Хоть один бабке оставили?

– Товарищ старший лейтенант... Больше половины оставили.

– Короче, обожрали бабке все огурцы, так и запишем. А

мышь не пробовали?

– Так они с грядки же, экологически чистые.

– Это в сторону города, хуторок? – интересуется Людмила Сергеевна. – Там ещё дом такой, с синей крышей?

– Он самый – кивают солдаты.

– Понятно. Там Петровна живёт. У неё уже года два как туалет рухнул от ветхости, так она всё на огород ходит. А Петровна свинья такая, что у неё не только аскариды, у неё что угодно завестись может.

Солдаты слегка позеленели. Было видно, как представления об экологически чистых продуктах рушатся у них на глазах.

Солдат-то мы вылечили. И, чудо, они не успели никого заразить, хотя аскаридоз в закрытых коллективах, это истинное проклятие. Информацию о хуторянке передали гражданским коллегам. Что уж они там с ней делали, это не моя компетенция.

Целую неделю после выявления инвазированных, Людмила Сергеевна не отходила от микроскопа и проклинала свою судьбу. А я что, я отчёты писал. Ведь отчёты в нашем деле – самое главное.

Особенность армейской стерильности

Как вы помните, десять лет назад я решил, что в моей жизни мало приключений и подался в армейскую медицину. Через некоторое время возглавил микробиологическую лабораторию в медроте в одной из крупнейших частей нашей страны. Ну как возглавил. В этой самой лаборатории кроме меня самого трудилась только Людмила Сергеевна. Лаборантка, она же санитарка, она же «серый кардинал», потому что муж у неё был военный пенсионер, а бывших полковников, как известно, не бывает.

Утро начиналось с того, что мы с Людмилой Сергеевной принимали длинный поток пациентов с жалобами на боли в животе и горле, собирали с них посевы. Отсеявшись, проводили аналитику вчерашней работы, заполняли кучу журналов. После этого Людмила Сергеевна гнала меня тряпкой на какую-нибудь проверку, а сама принималась мыть посуду и драить лабораторию. К моему приезду с проверки кафель пятидесятых годов блестел, глаза щипало от хлорки, синие бактерицидные лампы уничтожали всё живое. Стерильность — наше всё!

И вот однажды этот железобетонный вековой порядок дал трещину. Людмила Сергеевна заболела. Причём заболела серьёзно. С вечера начала кашлять, этот кашель по вентиляции

услышал наш терапевт со второго этажа медроты, спустился, диагностировал бронхит, а после снимков сменил диагноз на пневмонию.

– Как же вы там без меня? – переживала Людмила Сергеевна по телефону.

– Справлюсь! – браво отрапортовал я. – Где наша не попадала!

Ох, как же я ошибался.

Дня три мне не удавалось даже голову поднять. Пациенты, как назло, пошли косяками. На полигон приехали очередные «гости», и пришлось экстренно «сеять» десяток поваров. В подконтрольной части началась вспышка какой-то кишечной гадости, и пришлось два дня отсидеть там. Автоклавная стала напоминать кухню нерадивой хозяйки. Повсюду валялась грязная лабораторная посуда, на которой пышными цветами распускались ростки микробных цивилизаций. Некогда блестящий кафельный пол затоптали сапогами. Короче лаборатория превратилась в проходной двор.

В пятницу я расписался в очередном журнале, затолкал штатив с пробирками в термостат и вытер пот со лба. Кажется, отстрелялся. И тут мой взгляд упал на грязный пол, пирамиду из чашек Петри в автоклавной, россыпь пробирок. Ну бли-и-ин!

И тут, как назло, в лабораторию наведалься начмед майор.

– Ну и сирюльник у тебя, лейтенант, – вздохнул он, оглядевшись. – А где Сергеевна?

– Заболела.

– Оно и видно. Подошвы к плитке прилипают. Я понимаю, что в грязи микробы не растут, но странные у тебя какие-то методы дезинфекции.

– Сейчас всё помою, – покраснел я.

– Ты что, идиот? Дедовщину в армии ещё никто не отменял! Возьми солдата из выздоравливающих, – хмыкнул майор.

– Да неудобно как-то.

– Неудобно спать на потолке – одеяло падает, – рыкнул майор. – Всему вас, пиджаков учить надо. Звони своему корешу, капитану Кротову. Пусть парочку бойцов из терапии пришлёт.

Позвонил. Через пять минут у дверей лаборатории топтался солдат в больничном халате и тапочках на босу ногу.

– Слушай задачу, – говорю. – Я пока автоклавную загружу, а ты полы помой. Вот тебе тряпка, вот ведро. Воду вон там наберёшь.

Смотрю – мнется что-то, руки за спину прячет.

– Чего ты?

– Да у вас же тут лаборатория, микробы всякие. Боюсь я.

– Что, настолько боишься?

– Да я неделю животом маялся, не хочется опять.

И глаза у него несчастные-несчастные.

Отправил бойца обратно в медроту, прислали другого. Тот бодро взялся за дело, пока я гремел пробирками в мо-

ечной – вылил на пол лаборатории полведра воды и разнёс всю грязь по углам.

– Стой! – увидев это непотребство, заорал я. – Ты что, полы мыть не умеешь?

– Никак нет! – вытянулся солдат. – Ни разу не приходилось.

– А сколько лет тебе, детинушка?

– Девятнадцать, товарищ лейтенант! – бодро отрапортовал солдат.

– Ну, иди себе, – вздохнул я.

Через минуту звонит мне начмедпункта терапевт Кротов.

– Паша, ты как первая девка на деревне, всё выбираешь!

Чем тебе этот боец не понравился?

– Да не умеет он ни хрена. Только грязь развёл.

– Пиджак ты, Паша! Пиджачилла! Не можешь солдата заставить нормально пол помыть! Ничему тебя армия не учит.

– Поговори у меня, – огрызнулся я. – В следующем месяце проверка твоего медпункта.

– А это называется шантаж и злоупотребление служебным положением! – фыркнул капитан. – Ладно, пришлю тебе ещё одного.

Третьего бойца я ждал минут десять. За это время успел выдраить пробирки с засохшими сахарами, отравить полмедроты паром из автоклавной и выйти покурить. Смотрю, на крыльце стоит солдат в больничном халате и в телефоне копается.

– Ты чего тут? Замёрзнешь же, – говорю я.

– А я маме сообщение пишу, что вы меня заставляете полмыть, – нахально отвечает боец. – Она сейчас петицию составит – и на сайт министерства обороны.

Дал ему пенделя и с крыльца спустил.

А тут снова начмед идёт.

– Ты чего, лейтенант, ногоприкладством занимаешься? Ты же клятву Гиппократу давал. К тебе пациента из терапии направили, а ты его в хирургию переводишь?

– Да он тут жалобы в министерство строчил.

– Пиджак ты, доктор. Делать нашему министерству нечего, разбирать, что в какой-то части солдата заставили пол помыть. На понт он тебя взял, а ты и повёлся.

И тут понял я, что чтобы понять всё армейские мудрости, нужно либо родиться в военном городке, либо как наш начмед, бидон спирта тут выпить. Посмотрел на начмеда, на окна медроты, на сереющее небо и опадающие листья и взяла меня тоска.

– Да пошли вы на хрен, – в конце концов, сказал я.

Запер лабораторию, снял халат, китель и помыл полы сам.

Передумал

Мои постоянные читатели помнят бравого капитана-артиллериста, который в танках не горит, и зарубежных министров не боится. Но время идёт. И нынче этот бравый капитан уже целый подполковник. Преподаёт в одном военном вузе. Встретились тут на днях, посидели. Молодость вспомнили. И грустно немного стало. Сидит напротив здоровенный подпол, виски седеют, голос командный. А глаза прежние.

Эх, какой я старый.

Но рассказ не об этом. Посидели, короче, поговорили, и добавил он в мою коллекцию целый ворох историй из жизни курсантов и преподавателей. Хоть отдельную серию начинай. Вот я, пожалуй, и начну.

Курсант военного вуза, это вам не солдат-срочник. Это катастрофа в два раза серьёзнее. Что может солдат натворить? Ну танк сожжёт, ну стырит что-нибудь, ну выстрелит не в ту сторону, добавив отцам-командирам седых волос. Так это всё события мелкого масштаба и наша армия их переживёт. А курсант станет офицером. И такого может наворотить – тут не только отцы-командиры, тут всё Министерство Обороны поседееет. Поэтому к воспитанию этого офицера надо подходить серьёзно.

Многие этого воспитания не выдерживают.

Сижу как-то в кабинете, планы нападения на предполагаемого противника анализирую. Стучат.

– Войдите, – кричу, а сам прикидываю, что если шпион, то как бы побыстрее эти планы съесть.

Однако заходит свой, третьекурсник Иванов. Взгляд угрюмый, носом шмыгает.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Разрешаю. Чего тебе?

– Ухожу я.

– От кого? Если от меня, то у нас с тобой ничего не было.

– Из вуза ухожу. Не хочу быть военным. Передумал.

– Неожиданно. Обидел тебя кто-то? Ты скажи, мне можно, я разберусь, я не замполит.

– Да нет, – мнётся курсант. – Устал я. Надоело.

Убираю планы в стол, смотрю на этого балбеса.

– Иванов, оно тебе надо? Вроде учишься неплохо, хвалят тебя. Может с девушкой проблемы?

– Я сам, – бурчит, разглядывая доски пола. – Передумал я. Не хочу быть военным. И сразу не хотел.

– Вот сюрприз. Так чего же ты поступал? До третьего курса тянул?

– Батька сказал.

Я покосился на портрет, висящий за спиной. Неужели? А нет, у него же свой батька есть.

– А чего сейчас уходишь?

– Сил нет.

– Тебе этот год остался и следующий. Ты уже почти офицер.

– Не хочу, передумал, – смотрит исподлобья.

– Ну ладно. Иди. Ты, надеюсь, понимаешь, что теперь твои родители государству 15 тысяч убитых ентов должны? (от автора – цены приблизительные, для общего ознакомления).

– За что?

– Как за что? Два года тебя Родина кормила, обучала, одевала. Денежное довольствие ты получал. А надежд государства не оправдал. Будь добр вложенные в тебя средства вернуть.

– А где такое написано?

– Так в договоре, который ты подписал при поступлении. Читал?

По глазам вижу – не читал. Подмахнул не глядя, даже не задумываясь о том, какой документ подписывает.

– Так вот, ты откуда у нас?

– Из райцентра.

– Ага. В твоём райцентре квартира где-то 25 тысяч стоит? Вот позвони сейчас родителям и обрадуй их, что они должны стране полквартиры. А могли бы тебе, дураку, наследство подогнать.

Ушёл звонить. Возвращается через полчаса. Уши красные, глаза на мокром месте.

– Ну что? – спрашиваю.

– Ухожу.

– А родители что сказали?

– Не ваше дело!

Грубит. Понятно. Батя, небось, истерику устроил.

– Ты иди к себе, подумай пару дней. Остынь. Ты ведь уже старшекурсник. Самые трудные годы позади. Ещё немного усилий – и ты готовый офицер. А уйдёшь сейчас – опять ты никто и надо всё сначала начинать. Ещё и денег должен будешь.

– Всё равно уйду.

И ушёл. Приезжали родители, батя орал на сыночка прямо у меня в кабинете. Но Иванов-младший держался, как 28 панфиловцев. Упорство, достойное лучшего применения. Забрал, короче, документы и пропал из поля зрения.

А через полгода поехали мы с курсантами в часть на «практику». Ранняя весна, мокрый снег с дождём, слякоть. Противно, короче. Таскаем по раскисшему полигону свои орудия, мокрые злые. Вокруг солдаты этой самой части, то ли помогают, то ли мешают.

Смотрю – в серой солдатской шеренге лицо знакомое. Да это же Иванов! Какая встреча. Подхожу.

– Здорово, боец!

– Здравствуйте, товарищ подполковник.

– А ты тут какими судьбами?

– Да вот, – разводит руками. – Я как вернулся домой, то военком наш районный сильно на меня обиделся. Я ему там какие-то планы и премии испортил. Гонялся за мной с осо-

бым рвением. Об отсрочке до лета даже разговора не было. Забрал в сапоги в зимний призыв.

Злорадничать не стал. И так парню плохо. Похлопал по плечу.

– Звони, – говорю. – Если что. Телефон-то помнишь? Кивает.

А тут бежит курсант Сидоренко:

– Товарищ подполковник, там оружие в грязи застряло.

Попрощался с Ивановым и пошёл спасение орудия организовывать. А Иванов остался.

К чему я всё это. Товарищи родители, а особенно отцы, если не сбылась ваша мечта стать офицером и решили вы из своего оболтуса сделать генерала армии, а он сопротивляется всеми силами. То не надо его заталкивать в Академию руками и ногами. Ничего толкового из этого не выйдет. Пусть идёт куда хочет. Если он, конечно, куда-то хочет.

Ужасы нашего городка

В советское время воинская часть, куда меня определили врачом, была крупнейшей в стране. Сюда приезжали в учебку бойцы со всех окраин и центров необъятной Родины. По каменным плитам плаца маршировали и узбеки, и кавказцы, и малые народности севера. Из-за размеров учебку поделили на шесть «городков», в каждом была своя столовая, медпункт, штаб, КПП. Готовили специалистов разных направлений: мотострелков, танкистов, связистов. В центре – школа сержантов и прапорщиков. В командиры части сажали полковников, чтоб они могли генерала получить.

Независимому государству такая громадина оказалась ни к чему. Казармы опустели, в залах, рассчитанных на двести-триста человек, свободно расположились полсотни, о двухъярусных кроватях забыли, а один из «городков» и во все решили закрыть. Так он и стоял, поблёскивая разбитыми окнами и пугая проверяющих пробившейся сквозь плиты плаца травой. Поговаривали, что раз в полгода туда приезжали какие-то спецчасти, тренироваться в штурме зданий, но я сам не видел, врать не буду.

Как-то вечером поехал я с проверкой в часть неподалёку, завозился, ползая с прапорщиком-начпродом по его складу, пока акты-отчёты составлял – стемнело. Осень, октябрь месяц, темнеет быстро. Устал, как собака.

– Всё, – говорю. – Проверка окончена, везите моё проверяющее тело обратно в лабораторию.

Прапор радостно убегает и возвращается с кислой физиономией. Пока мы по складам лазили, водитель «буханки», на которой меня привезли, успел домой свинтить, и ключи от служебного автомобиля с собой забрал.

– Я сейчас позвоню, он недалеко живёт, в городе. Час-полтора, довезём вас, – оправдывается прапор.

– Да ну вас, – говорю. – За полтора часа я до медроты пешком дотопаю. Тут километра три напрямик.

Натянул фуражку на уши, папку с актами под локоть сунул и пошёл. Бреду по дорожке вдоль военного забора, вроде ничего. Луна подсвечивает, ещё и фонари кое-где неразбитые попадают. Главное в яму не попасть, а то ямы на наших военных дорогах глубокие, можно и сломать что-нибудь. Подхожу к заброшенному городку. И тут в моей тормознутой от усталости голове мелькнула мысль. Это если ж вдоль забора вокруг городка идти, то километра полтора получается. А если сейчас через забор, да напрямую через плац, да вдоль заколоченной казармы, то можно изрядно срезать. Короче, я пока опомнился, мои ноги меня уже через забор перекинули и вглубь городка увлекли.

А в городке фонари не горят. И луна, вот ведь пакость, за какую-то тучку спряталась. Иду почти наощупь. Жутко, до дрожи в коленках. Вокруг пустые заброшенные казармы, какие-то памятники-бюсты советской эпохи белеют. На га-

зоне трава по колено и куст разросся, ветками колышет – тени по всему плацу. Под ветром скрипят жестяные щиты для строевой подготовки и какие-то невидимые в темноте лозунги. Сразу вспоминаются то ли романы Стивена Кинга, то ли компьютерный ужастик «F.E.A.R.», в который я вчера играл. Того и гляди из тёмного оконного провала выглянет ДЕВОЧКА.

Б... и вправду кто-то выглядывает! Не из окна, а из двери, но какая разница! Я зажмурился и помотал головой. Ну, так и есть. На фоне темного проёма выделяется чуть более тёмный силуэт.

– Это кто-то шинель на вешалку повесил, – убеждаю я себя. – Повесил и забыл. А я паникую, как истеричка.

Силуэт шевельнулся.

– Ну так и есть! – обрадовался я. – Точно шинель. Ветром её колышет, вот и кажется, что кто-то шевелится.

И тут шинель хрипло вздохнула, отделилась от двери и двинулась мне навстречу.

Да ё..., ну б..., да твою ж...!!!!Честное слово, был бы при мне табельный Макаров – пальнул бы не глядя. Хорошо, что врачам оружие не положено. А так только папку поднял, чтобы злобного вампира по его лысой башке стукнуть.

– Б-ы-ы, – хрипит силуэт и ме-е-едленно так ко мне ползёт.

Пока он полз, я от первого испуга отошёл и начал прикидывать. В призраков я не верил, значит маньяк какой-то.

Сейчас я его с ноги в пах – и бежать. Ещё и кричать надо на бегу, то ли «Караул!», то ли «Пожар!». Ладно, на бегу и определимся.

Силуэт подползает. До меня уже доносится какое-то злобование. Может всё-таки зомби? Ладно, судя по голосу зомби мужского пола, значит удар в пах может прокатить. Я заново шу ногу и тут...

– Слышь, командир, а подскажи, где можно паспорт сделать?

Вопрос был неожиданным. Предположение, что вампир решил легализоваться, и завести паспорт было каким-то уж совсем нереальным. Я зашарил по карманам, нащупал зажигалку и зажёг огонёк.

Передо мной стоял бомж. Обычный бомж, из тех, что попрошайничают на привокзальной площади, оккупируют пивнушку возле продуктового магазина и пугают немногочисленных гостей города. Рядом с нашим населённым пунктом есть крупная тюрьма, некоторые товарищи, освобождаясь, возвращаться на родину не спешат, так и оседают неподалёку от мест заключения. Это чтоб потом стырить что-нибудь и на второй срок далеко не ехать. Бывает, что и документы теряют. Но что он делает здесь, вдалеке от подающих горожан, от уютной теплотрассы?

– А-а, ты военный, – разочарованно протянул «вампир». – А я гляжу – идёт кто-то в фуражке. Думаю, менты патрулируют. Решил уточнить насчёт паспорта. Паспорта у меня нет.

Ну хоть сигарету дай.

Я дрожащей рукой протянул ему всю пачку.

– Вот спасибо, – «вампир» ухмыльнулся, блеснув единственным железным зубом. – Хорошего человека сразу видно. А ты, служивый, не ходи здесь. Темно тут. Колючку какая-то падла вдоль забора наvertела. Упадёшь ещё. Ты иди прямо до КПП, там дырка есть, я там пролез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.